

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Николай Гумилев привез
из своей последней
африканской экспедиции
старинную абиссинскую
реликвию, даже
не догадываясь
об этом...

Мария СПАССКАЯ

Девять жизней Николая Гумилева

Артефакт & Детектив

Мария Спасская

Девять жизней Николая Гумилева

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Спасская М.

Девять жизней Николая Гумилева / М. Спасская — «Эксмо»,
2019 — (Артефакт & Детектив)

Николай Гумилев привез из своей последней африканской экспедиции шкуру собственноручно убитого им черного леопарда. Поэт и не догадывался, что в голове у трофея скрыта старинная абиссинская реликвия, похищенная накануне его приезда и таким образом переправленная в молодую Страну Советов. Хозяин контрабандной посылки погиб, не успев ее забрать, не досталось эфиопское золото и Гумилеву. Клад менял владельцев, но никому из них не принес счастья. И вот спустя почти сто лет таинственный орден людей-леопардов готов пойти на все, чтобы вернуть гемму царицы Савской на историческую родину, и молодая журналистка Соня Кораблина против собственной воли оказывается вовлечена в преступление...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Спасская М., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Аддис-Абеба, 1913 год	7
Санкт-Петербург, наши дни	17
Аддис-Абеба, 1913 год	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мария Спасская

Девять жизней Николая Гумилева

© Спасская М., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Пролог

Санкт-Петербург, июнь 2017 года

Каждый, кто заходил в ресторан Пулковского аэропорта, невольно обращал внимание на сидящую за крайним столиком пару. Мужчина интереса не вызывал, смотрели на женщину. Она была невероятно хороша собой – тонкая смуглая брюнетка с раскосыми васильково-синими глазами в обрамлении длинных пушистых ресниц, точеным носиком и пухлым, красиво очерченным ртом. Даже стрижка – короткая под мальчика – ей удивительно шла. Склонив голову к плечу и не обращая внимания на принесенный официантом сок, красавица показывала на смартфоне фото и говорила:

– Вилла в Сан-Хосе, расположена в одном из живописнейших мест в Испании. Площадь восемьсот квадратных метров. Девять спален, пять ванных комнат. Первая линия, терраса выходит прямо на море – пляж в ста пятидесяти метрах от дома. При этом есть бассейн. И свой мандариновый сад. И стоит не слишком дорого – миллион семьсот тысяч евро.

Мужчина с удивлением присвистнул, и в грудном контральто собеседницы послышалась легкая обида.

– Разве это дорого за такую роскошь? Хотели два миллиона, но я сбила цену. И договорилась, можно взять в рассрочку, часть денег я уже внесла. Небольшую, всего двести тысяч. С остальным готовы подождать. Подводить людей я не стану. Меня не волнует, каким образом ты решишь этот вопрос, но к концу следующего года оставшаяся сумма должна быть перечислена продавцу. Тем более что ты не хуже меня знаешь, что деньги эти реально существуют.

Мужчина нервно дернулся, он явно хотел поспорить, но брюнетка пресекла попытку дискуссии.

– Только не начинай, – сердито выдохнула она. – Я знаю все, что ты мне скажешь. Ждать я не намерена. Имей в виду – если не ты, мне поможет кто-нибудь другой.

– А если я найду недостающие средства, мы сможем быть вместе? – в голосе мужчины звучала робкая надежда.

– Когда найдешь, тогда и будем разговаривать, – сухо обронила женщина.

В отдалении прозвучал зуммер, и механический голос диктора объявил регистрацию на рейс Санкт-Петербург – Мадрид. Женщина неспешно убрала смартфон в дорогую неброскую сумочку, поднялась из-за стола, демонстрируя великолепную, обтянутую стильным платьем фигуру, и проговорила:

– Не надо, не провожай. И подумай о том, что я тебе сказала.

Подхватив чемодан, обогнула стол, вышла из ресторана и направилась к стойке регистрации. И, пока она шла, мужчина не отрываясь жадно смотрел на удаляющуюся точеную фигурку, понимая, что, если не сотворит чуда, не увидит эту женщину больше никогда.

Аддис-Абеба, 1913 год

Вечер обещал быть нескучным. После жаркого африканского дня, проведенного в сонной одуре непрезентабельного «Гранд-отеля», наконец предстояло пусть сомнительное, но развлечение. Вилькин изнывал на низком, липком от пота диване, лениво пережевывая принесенный из лучшего в этой дыре ресторана ланч, когда в дверь постучал чернокожий гонец с письмом от русского посла в Аддис-Абебе. Милейший Борис Александрович Сольский и его очаровательная супруга просили Семена Вилькина пожаловать к ужину, обещая знакомство с корреспондентом из петербургского журнала «Аполлон».

Российских подданных здесь, в столице Абиссинии, было немного, и со всеми соотечественниками общительный Вилькин уже успел перезнакомиться. А с отдельными заносчивыми гордецами даже поругаться, так что новый персонаж пришелся бы очень кстати. Скука в Африке была непереносимая, что для авантюрной натуры Семена было смерти подобно. И с чего это он решил, будто бы здесь, в Абиссинии, ему уготованы сплошные приключения?

Много лет назад матушка, тяжело вздыхая, передела маленького Сему в приберегаемую для синагоги курточку, отец посадил сына на подводу зеленика Боруха Бейлиса, и тот отвез мальчишку с окраины Киева в одну из лучших в городе книжных лавок, работать за еду. Жили Вилькины более чем скромно, отец портняжничал, перешивая соседям за малое вознаграждение обноски, и восемь мальшей-погодок частенько голодали. Предложение владельца книжной лавки Михаэльсона, приходившегося Вилькиным дальним родственником, пристроить к делу старшего, Семена, родители приняли с радостью.

Честно говоря, работа у Михаэльсона была не слишком утомительная. Днем мальчишка разносил клиентам заказанные книги, ночами забирался в подсобку и, уютно устроившись на топчане, читал занимательного Жюль Верна, авантюрного Майн Рида, завораживающего Проспера Мериме. Читал запоем, с головой погружаясь в созданные буйной авторской фантазией удивительные миры. А если попадались книги на других языках, брал толстенные словари и, переводя, попутно изучал языки.

Когда Сема проглотил все имевшиеся в лавке приключенческие романы, он перешел на пыльные, никем по многу лет не открывавшиеся философские труды. Играючи одолел Вольтера и Руссо, но из-за яркости языка и стройности философских воззрений особенно приглянулся ему Шопенгауэр. Приглянулся настолько, что юный Вилькин даже простил немецкому мизантропу сквозившее в каждом высказывании презрительное отношение к семитам. Хотя сделать это оказалось нелегко, ибо отец был ортодоксом, превыше всего чтящим Закон, и Тора являла собой для Семена самое святое, что только может быть. То, что жило глубоко в душе и оберегалось от посторонних взглядов. Михаэльсон же к вере отцов относился без фанатизма, и Семен его за это молча осуждал.

Когда и философские книги подошли к концу, мальчик открыл для себя поэзию. Надо ли говорить, что из всех поэтов в мятущуюся душу юного Вилькина больше всего запали бунтарские стихи Шарля Бодлера и Артюра Рембо. Заинтересовавшись авторами, мальчик отыскал на пыльных полках биографии и пришел к выводу, что Бодлер был нытиком и тряпкой, зато Рембо – выше всяческих похвал. Чего стоил один написанный им в семнадцать лет «Пьяный корабль»! Подростком Артюр удрал из дома, много путешествовал и много писал, писал свои замечательные стихи.

А в один момент покончил со стихами, которые вдруг отчего-то счел заблуждением молодости и позже именовал не иначе, как «нелепое омерзительное ребячество». Вместе со стихами выкинул из жизни своего наставника и любовника поэта Поля Верлена и устремился в Африку, где рассчитывал разбогатеть, торгуя оружием и слоновой костью. Сказать по

совести, так и не разбогател, зато жил ярко, умер молодым. Одно слово – герой, каких мало. Что и говорить, прав был Рембо. Деньги и слава – вот жизненные цели, которые оправдывают любые средства.

Имея перед глазами заразительный пример француза-бунтаря, Сема Вилькин принялся писать стихи. Писать и рассылать во всевозможные периодические издания – в редакцию «Одесского листка», в газету «Гудок», в журнал «Колосья». И несколько его произведений даже опубликовали, но это было совсем не то, к чему стремился честолюбивый посыльный из книжной лавки. Слава получилась какая-то жиденькая, а денег не было вообще. В ночь, когда Семену исполнилось четырнадцать, ему вдруг отчетливо открылся весь ужас его положения. Кто он такой? Бедный еврейский юноша без связей и перспектив, обреченный всю свою жизнь прозябать в приказчиках. Не сказать, чтобы в лавке к нему плохо относились – старик Михаэльсон даже по-своему любил сообразительного и расторопного помощника, просто такая жизнь была не для Семена. Умного, смелого и не склонного к рефлексиям юноши. Решение пришло само собой.

В памятное утро своего четырнадцатилетия, доев кусок праздничного пирога, испеченного специально для именинника заботливыми руками мадам Михаэльсон и преподнесенного с торжественностью прямо-таки необыкновенной, нагруженный книгами Вилькин, как обычно, вышел на улицу. Но не пошел по адресам заказчиков, а устремился на Бессарабку. Здесь на рынке целыми днями отирались жиганы из банды известного на весь Киев Кости Артиста. Приметив одного из людей Артиста, по виду – своего ровесника, Семен принял независимый вид и, отозвав парнишку в сторону, проговорил, прикуривая от его папиросы:

– Сегодня ночью совершенно случайно забудут запереть заднюю дверь в книжную лавку Михаэльсона. Передай своим, если есть желание – могут заглянуть.

Гости не заставили себя ждать. Той же ночью Артист обчистил плотно набитый сейф, воспользовавшись любезно предоставленными Вилькиным ключами. Семен ушел вместе с бандой и некоторое время промышлял с людьми Артиста налетами на киевских толстосумов. Но в этом не было никакой романтики, одна неприкрытая уголовщина. Вся слава, как и большая часть денег, доставалась главарю. Кроме того, в банде Вилькин получил унижительное прозвище Сема Жид и, скрепя сердце, вынужден был на него откликаться. Душа Вилькина томилась под гнетом несправедливости и нереализованных мечтаний до конца осени, пока он случайно не познакомился в ресторане гостиницы «Европа» с Эстер Коган.

В непринужденном разговоре за бокалом шампанского дочь преуспевающего дантиста поделилась с новым другом захватывающими идеями устранения закостенелых в своих взглядах правительственных чиновников – основных врагов грядущей революции. Вилькин не на шутку заинтересовался рассказом Эстер, а еще больше предложенными девушкой книгами – этюдами Антонио Лабриолы¹, работами Бельтова² и трудами Маркса. Тем более что боевая организация левых социал-революционеров, к которой и принадлежала милая барышня из благополучной киевской семьи, имела изрядное финансирование, денег не считала и, если верить дочери дантиста, по первому же требованию выдавала своим членам столько наличности, сколько захотят.

Буквально на следующий день юноша вступил в боевую группу и сделался одним из самых отчаянных боевиков. Семену самому предложили выбрать партийный псевдоним, и он стал называться Азраэлем – по имени ветхозаветного ангела смерти, упоминание о котором Вилькин встречал в книге Еноха. Разлад в душе был устранен – эсер Вилькин больше не нуждался в деньгах и в то же время чувствовал себя героем.

---

¹ Антонио Лабриола – итальянский философ, основатель итальянского марксизма.

² Бельтов – псевдоним Г. В. Плеханова.

После серии особенно удачных террористических акций возникла настоятельная необходимость покинуть Россию, и Азраэль отправился в Базель, на Сионистский конгресс, где председательствовал Теодор Герцель, пользовавшийся большим уважением в синагоге Лукьяновки. Но в Базеле новоявленный эсер заскучал, слушая, как по сотому разу ругают книгу Дюринга «О еврейском вопросе» и обсуждают необходимость создания своего, сионистского, государства.

Вернувшись в Петербург, Семен снова взялся за подрывную деятельность и в следующий раз, когда потребовалось немедленно убраться из России, бежал уже не в скучную Европу, а в таинственную Африку, ибо сердцем Вилькина давно и безраздельно владел великолепный Артур Рембо. Да еще, ко всему прочему, на глаза эсеру попался сборник стихов некоего Ник. Гумилева, озаглавленный «Шатер» и повествующий как раз таки об африканском путешествии автора.

Стихиата были вполне обычные. Если бы захотел, Вилькин мог бы сочинить и лучшие, но было в этих стихах что-то цепляющее, мальчишеское, из детских его ночей, проведенных с приключенческими книжками в подсобном помещении лавки Михаэльсона. Некоторые вирши даже произвольно заучил наизусть. «Я пробрался в глубь неизвестных стран, восемьдесят дней шел мой караван... Мы рубили лес, мы копали рвы, вечерами к нам подходили львы... Но трусливых душ не было среди нас, мы стреляли в них, целясь между глаз... И тая в глазах злое торжество, женищина в углу слушала его». Верно подмечено. Ничего человек не боится, укроаает диких зверей и открывает новые материки, а вернется домой – и какая-нибудь скверная бабенка так скрутит героя в бараний рог, ни вздохнуть, ни охнуть. Правильный поэт. Как такому не поверить?

И вот скрывающийся террорист Азраэль здесь, в Африке. Кинув тоскливый взгляд на засаленный томик стихов Ник. Гумилева, Вилькин поднялся с продавленного топчана и стал собираться на званный ужин. Душу жгла обида. Горькая усмешка кривила губы. Эх, поэт, поэт. Зачем же так? Что ни говори, а подвел его Гумилев. Расписал африканские красоты так, как будто и в самом деле на Черном континенте путешественника ждет что-то особенное. Где он отыскал эту свою зулусскую принцессу, от которой глаз не оторвать? Сколько ни ищи, нет среди местных дам красоток. Хотя, конечно, на вкус и цвет... Признаться, в первое время Вилькин даже находил некоторый шик в чернокожих любовницах, чуть ли не каждый день наведываясь в публичный дом при Английском клубе и воображая себя то Бодлером, то Рембо, но скоро пресытился. Пахнут они как-то странно, ну и вообще чересчур экзотичны.

От скуки разочарованный Семен скупил почти весь товар в двух имеющихся в городе больших лавках, принадлежавших богатым индусам. В результате чего гостиничный номер был завален шитыми золотом шелковыми одеждами, кривыми саблями в красных сафьяновых ножнах, кинжалами с серебряной чеканкой и всевозможными восточными украшениями, которые Сема, гуляя по городу, щедро раздаривал первым встречным красоткам. Красотки спешили на свой лад отблагодарить дарителя, и некоторое время это казалось забавным. Но скоро и игра в Гаруна-аль-Рашида ему наскучила, и Вилькин снова затосковал.

Семен распахнул дверь и окунулся в липкий зной африканского вечера. Запер гостиничный номер, закинул за спину мягкую сумку из рыжей гипопотамьей кожи и двинулся по эвкалиптовой аллее к конюшням «Гранд-отеля». Можно было поехать и на авто, но с машинами в африканских дебрях дело обстояло неважно. Его «Паккард» стоял сломанным у гостиничных ворот, и надежды, что хитроглазый механик с белозубой улыбкой на блестящем, как антрацит, лице когда-нибудь его починит, оставалось все меньше и меньше. Резоны местного умельца были вполне очевидны – если машина не на ходу, то кому она нужна? Следовательно, русский когда-нибудь уедет, бросив ее у гостиницы. И вот тогда хитрый механик откроет капот и заберет себе все, что сумеет снять, открутить и выломать.

Честно говоря, Семен и не рассчитывал на этот «Паккард». Да что там какой-то «Паккард»! Если бы захотел, Вилькин мог бы купить себе хоть десять машин – их завозили в эти места тоскующие по цивилизации европейцы, но местный автопарк являл собой столь жалкое зрелище, что обжегшийся на «Паккарде» Вилькин безоговорочно предпочитал взятый напрокат грузевой транспорт. Не торгуясь и заплатив черномазому каналье явно больше положенного, он выбрал из предложенных лошадку порезвее, лихо запрыгнул в седло и отправился в предместье к Сольским.

Даже вечером африканское солнце палило нещадно, и лучше всего было ехать в тени, прячась под сенью глинобитных построек и стараясь не попадать на не защищенные тенью участки неширокой улицы.

Русская миссия, будто оазис, вынырнула из облака песчаной пыли, поднятой вялым мулом, тянувшим перед Вилькиным груженную кокосами повозку. У ворот расслабленно стояла пара босоногих ашкеров³ в мятых рубашках и холщовых английских штанах. При виде посетителя воины скрестили копья и изображали на лицах непреклонную решимость не пустить его внутрь. Семен осадил коня, извлек из сумки переданный через посланца пропуск, показал его ближайшему стражу ворот и только после этого был допущен на территорию посольства.

Молодой чернокожий садовник из местных с привычной небрежностью подстригал кусты, не позволяя буйной тропической растительности заполнить собой все имеющееся пространство широкого двора. У коновязи Вилькин спешил, бросил поводья угольно-черному мальчику при конюшне и устремился вверх по ступеням к застывшему посреди веранды послу. Отменно сидящая визитка делала высокого плотного Сольского похожим на оперного певца. Посол стоял перед выставленными в ряд акварельками и вопросительно поглядывал на свою крохотную суетливую жену, с самым комическим видом делающую умоляющие гримасы.

Вилькин подошел поближе и посмотрел на картины. Акварели казались совсем детскими, словно выполненными рукой не имеющего понятия об основах композиции новичка, пытавшегося, как умеет, передать африканский пейзаж и коренных обитателей этих мест. Деревья поражали безумной зеленью, фигурки негров – необычайной кривобокостью. Рядом с картинами, приосанившись и надменно поглядывая на присутствующих, прохаживалась Зиночка Бекетова, сотворившая это безумие. Белоснежная чалма с павлиньим пером ловко сидела на ее белокурой головке, укороченный алый лиф обтягивал высокую девичью грудь, в то же время открывая соблазнительный мягкий животик, а прозрачные шальвары не столько не скрывали, а, напротив, всячески подчеркивали стройные ножки.

«Хороша, чертовка. Жениться на ней, что ли?» – лениво подумал Вилькин, не без удовольствия оглядывая прелестную художницу.

С недавнего времени Зиночка брала уроки живописи у супруги посла, и Вера Васильевна, так же, как и все окружающие, изнывавшая в этой богом забытой дыре от скуки, искренне считала, что ее воспитанница делает несомненные успехи, которыми и спешила похвастаться. Посол Сольский славился излишней прямолинейностью, знал за собой этот грех и предпочитал лучше смолчать, чем кого-нибудь обидеть неосторожным словом. Как ни подсказывала мадам Сольская намекающими взглядами нужную линию поведения, слукавить Борис Александрович не решался. Заметив поднявшегося на террасу Вилькина, он торопливо протянул для рукопожатия мягкую влажную ладонь и с видимым облегчением произнес:

– Ну наконец-то! Если бы вы знали, Семен Аркадьевич, как я рад вас видеть, милый вы мой!

– Взаимно, Борис Александрович, – Вилькин ответил на рукопожатие и направился к дамам.

– Как добрались? Без приключений? – шагая рядом, вежливо уточнил посол.

---

³ Ашкеры – охранники.

– Благодарю, доехал с божьей помощью, – смиренно проговорил Вилькин, прикладываясь к дамским ручкам.

Желая переложить неблагодарный труд критика на плечи гостя, посол оживленно осведомился:

– Ну, господин Вилькин, что скажете по поводу нашей импровизированной картинной галереи? – И многозначительно добавил: – Это работы Зинаиды Евсеевны.

– Зинаиды Евсеевны? – недоверчиво переспросил Вилькин.

Он отлично знал, что представляет собой Зиночка Бекетова – прехорошенькая шестнадцатилетняя дуручка, от скуки и из природного упрямства приехавшая из Петербурга погостить к папеньке и теперь невыносимо страдавшая от недостатка мужского внимания. За короткое время знакомства Семен успел понять, что Зиночка – девушка на редкость ограниченная. Мыслит категориями дамских романов и делит представителей мужского пола на «героев» и «негероев», стремясь первым понравиться всем своим существом, а вторых в лучшем случае не замечая, а в худшем – окатывая ледяным презрением и осыпая насмешками. Причем перемены от одного полюса к другому происходили столь стремительно, что в первый момент бывало трудно догадаться, как в данный промежуток времени Бекетова относится к собеседнику.

Судя по тому, как Зиночка на него смотрела, Вилькин в ее понимании сейчас был «героем», ибо пару дней назад подарил ей несколько ничего не значащих ювелирных безделушек из лавочек индусов. Как джентльмен, Вилькин не мог обмануть ожиданий дамы, тем более что искусством вранья, в силу специфики своей деятельности, владел виртуозно. Отогнав крамольную мысль, что, будь они на Бессарабке, такая краля от него и без всякой женитьбы бы не ушла, эсер одарил Бекетову затуманенным страстью взглядом и с воодушевлением завел переливчатым басом:

– Гоген! Ну, совсем Гоген! Та же чистая цветовая гама, те же композиционные решения. Бодлер сказал: «*Je hais le mouvement qui deplace les lignes*»⁴. Но поэт сказал так только потому, что не видел ваши прелестные акварельки.

– Бросьте лукавить, Семен Аркадьевич, – кокетливо надула пухлые губки начинающая художница. – Разве я не вижу, что мои картины пока еще недостаточно хороши?

Вилькин покопался в памяти, надежно хранящей книжные премудрости, выудил еще одну подходящую к случаю цитату и страстно выдохнул, целуя маленькую девичью кисть:

– Произведение искусства создается для того, кто умеет видеть. Картины – зеркало, в котором отражается состояние души художника. Это опять не я. Это сказал Гоген, творения которого так похожи на ваши потрясающие работы.

– Ну, вы-то понятно, – фыркнула прелестница, игриво вырывая изящную ручку из крепких ладоней Вилькина. – Вы мне грубо льстите, потому что влюблены в меня. А вот у господина посла на лице написано отвращение к моим картинам, и все равно он бессовестно врет, что акварельки хороши. Неужто и Борис Александрович в меня по уши втрескался?

И, обольстительно улыбувшись, так, что обозначились ямочки на щеках, Зиночка лихо подмигнула Сольскому, стараясь смутить.

– Что вы такое говорите! – замахал руками побагровевший посол, поддавшись на провокацию.

– Тогда выкладывайте начистоту, – резвилась проказница, – что вы думаете о моей мазне?

– Прошу вас, Зинаида Евсеевна, – сменил тему окончательно смутившийся хозяин виллы, увлекая девушку к столу с напитками. – У вас нет ни малейших оснований подвергать

---

⁴ Je hais le mouvement qui deplace les lignes (фр.) – я ненавижу всякое перемещение линий. Из стихов Бодлера «Красота», сборник «Цветы зла».

сомнению вердикт господина Вилькина. Семен Аркадьевич гораздо лучше меня разбирается в искусстве. Если он говорит, что картины хороши, значит, так оно и есть. Вот, не откажите, бокал шампанского.

Сунул Зиночке пузырящуюся в хрустале «Вдову Клико» и, обернувшись к жене, взмолился:

– Вера Васильевна, голубушка, займитесь своими прямыми обязанностями – развлекайте гостей. А я должен откланяться. Ничего не поделаешь. Дела.

И, смущенный, почти бегом скрылся в доме.

– С минуты на минуту должен прибыть Гумилев! – восторженно воскликнула хозяйка, взглядываясь через ограду в синеющие на горизонте горы.

Вилькин не подал вида, что удивлен, хотя в душе и шевельнулось изумление. Вот как! Неужели тот самый Гумилев? Стихотворец, завлекший его в эти адские дебри? Ибо Вилькин не сомневался – если и существует ад, он именно такой.

– Николай Гумилев? – оборачиваясь к Вере Васильевне, с деланным безразличием осведомился он.

– Да-да. Николай Степанович. Этот милый юноша уже приезжал сюда, и мы с ним справляли Новый год, – заулыбалась жена посла. – Представьте себе, у нас была даже елка! Так, ничего особенного. Привезли деревце, напоминающее нашу ель, украсили громадными свечами, цветами да лентами – в общем, было недурно. Зажгли в Сочельник и на Рождество в присутствии доктора и Гумилева. – Вера Васильевна пригубила игристое вино, продолжая возбужденно щебетать: – Представьте себе, в прошлый раз муж устроил Николаю Степановичу приглашение на прием в императорский дворец Гэби. Само собой, мы там тоже присутствовали. Ах, это было так удивительно! Вообразите себе, Семен Аркадьевич, в приемном зале установили большой стол для европейцев – дипломатов, служащих банков, врачей. Я сидела по левую руку абиссинского министра иностранных дел, а по правую расположилась жена английского посланника Тотенхейма... Вы его, господин Вилькин, знаете по клубу. На наш стол подавались европейские кушанья, приготовленные поваром французского посла, тоже вашего клубного знакомого. Все, что приносили наследнику, сперва пробовали телохранители и пажи – вы же знаете, в стране непростая обстановка, император Менелик Второй совсем плох, а его внук Ляджэ Иясу заигрывает с турками. Ходят слухи, что принца вот-вот свергнет оппозиция.

– Да ну, Вера Васильевна, не выдумывайте, какая там оппозиция, – закуривая, чтобы скрыть волнение, с наигранным добродушием рассмеялся Семен.

Эсер Вилькин знал об оппозиции гораздо больше, чем разговаривая мадам Сольская, но ни в коем случае не должен был показывать свою осведомленность. Не далее как неделю назад Семен обедал в Английском клубе. Гарри Тотенхейм сразу показался ему не в меру возбужденным, если можно так сказать о стопроцентном английском джентльмене с лишенным мимики лицом и арктически холодными глазами. В тот вечер чисто выбритые щеки Гарри окрасил едва заметный румянец, а обычно плотно сжатые губы змеились усмешкой.

Закончив партию в бридж, Тотенхейм не покинул по своему обыкновению клуб, а перешел из большой гостиной в малую – низенькую и грязную, куда обычно заглядывали проигравшиеся игроки, дабы пропустить успокоительный стаканчик дармового виски. Англичанин не бывал здесь никогда, считая посещение подобного свиарника ниже своего достоинства. И вдруг – почтил присутствием, что выглядело странно.

Когда Вилькин вошел в пустую темную залу, он не сразу заметил, что его любимое кресло занято, и, лишь приблизившись вплотную, увидел расположившегося в нем Тотенхейма. Английский посланник дремал, откинувшись на высокую спинку кресла. Полагая, что это всего лишь недоразумение и Тотенхейм не знает, что это его место, Вилькин устроился на низком

табурете со стаканом адского пойла, глотнул обжигающую жидкость. И вдруг заметил, что Тотенхейм его разглядывает.

– Что вы думаете о лошадях? – не меняя позы и не открывая полуприкрытых глаз, сухо осведомился британец.

– Кой черт мне думать о лошадях, когда я продүлся подчистую? – удивился Семен, даже не пытаясь скрыть прозвучавшее в голосе раздражение.

– И все же я хотел бы, чтобы вы, мистер Вилькин, взглянули на дивного арабского скакуна, которого я приобрел на днях. Скажем, завтра, часов в одиннадцать пополудни. Я встречу вас у ворот британского посольства и провожу в конюшню.

Вилькина передернуло от досады.

– Что за бред? С чего это я должен смотреть на вашего скакуна, когда я в лошадях ни черта не смыслю?

– Поверьте мне, сэр, вам просто необходимо увидеть этого красавца, – монотонно уверещевал британец. – Если не придете, будете жалеть.

– Ну, если вы так настаиваете... – с сомнением протянул Семен, начиная кое о чем догадываться.

Заинтригованный, Вилькин явился к британскому представительству в назначенное время и в самом деле был препровожден Тотенхеймом на конюшню.

– Как вы понимаете, дело не в лошади, – убедившись, что поблизости никого нет, бесстрастно сообщил англичанин. – Я навел справки, и мне сказали, что Азраэль лучший в своем деле, а вы знаете, как с ним связаться. Вы знакомы, не так ли?

Эсер усмехнулся и уклончиво ответил:

– Приходилось встречаться.

Британец приблизился к Вилькину, приобнял его за плечи и повел в угол, к длинным, во всю стену, поилкам.

– Ни для кого не секрет, – понизив голос, говорил Тотенхейм, – что наследник Менелика Второго всей душой стремится к исламу, в то время как Абиссиния уже много столетий страна христианская. Не скрою, у Антанты⁵ свои интересы, и в наши планы не входит смена Абиссинией религиозной конфессии. Мы наметили человека, способного продолжить линию старого доброго Менелика.

Дойдя до поилок, британец остановился и замолчал, глядя на плотно пригнанные доски. В конюшне повисла тишина, нарушаемая лишь хрустом сена, что пережевывали крепкие челюсти хваленного арабского скакуна. Вилькин подождал и, не услышав продолжения, раздраженно обронил:

– Это вы хорошо сделали, что наметили человека. Всегда полезно подумать о будущем.

Англичанин неторопливо обернулся к собеседнику и снова монотонно заговорил, рассматривая переносицу Семена.

– Тут, мистер Вилькин, имеется одна тонкость. В этой варварской стране существуют свои традиции, пусть нелепые, однако с ними приходится считаться. Абиссинцы вообразили, будто бы их императоры ведут свой род от царя Соломона и царицы Савской. Наши же ставленник состоит лишь в очень отдаленном родстве с библейским царем и потому по местным обычаям на трон претендовать не может. Ибо существует строгая очередность, и наш человек в этой очереди отнюдь не первый. У нас имеются серьезные опасения, что абиссинцы нашего человека могут не принять. Вот если бы у него оказался символ власти – кольцо Соломона, передающееся от одного монарха к другому и свидетельствующее о праве раса⁶ Тэфэри Мэконньяна на абиссинский трон...

---

⁵ Антанта – военно-политический блок, союз России, Великобритании и Франции, сложившийся в 1904–1907 годах.

⁶ Рас (эффиопск.) – титул члена царской фамилии.

– Достаточно, господин посол! Я и так услышал слишком много, – оборвал британца Вилькин. – Все, что Азраэлю необходимо знать: где хранится кольцо, и как охраняется помещение. Ну и, конечно же, размер гонорара, который заинтересованные лица готовы заплатить.

Тотенхейм сунул руку во внутренний карман легкого пиджака, извлек блокнот и протянул Семену.

– Здесь схема дворца, часы смены караула и другая информация, которая может заинтересовать исполнителя. Что же касается гонорара... Кольцо хранится в шкатулке с другими драгоценностями императорской семьи. Как вы понимаете, мистер Вилькин, это не просто украшения, а самые настоящие сокровища. Среди них есть золотая диадема супруги негуса, украшенная изумрудом такой величины и чистоты, что стоимость его определить довольно затруднительно. Есть бесценное алмазное кольцо с рубиновыми подвесками, есть баснословно дорогой сапфировый браслет. Самым же уникальным предметом является гемма из камня астерикса. Царица Саввы приказала нанести на этот уникальный минерал изображение и название церкви, где она спрятала Ковчег Завета. Из достоверных источников известно, что перед тем, как сесть на трон, каждый новый негус⁷ из колена Соломонова получает эту гемму от своего предшественника и только тогда узнает, где хранится Ковчег Завета. Новый император Абиссинии отправляется в указанное место и беседует с Богом, заручаясь поддержкой Всевышнего.

– Вот даже как! – непроизвольно вырвалось у Семена, взволнованного услышанным.

– Да, именно так. В отличие от кольца Соломона гемма царицы Савской не относится к зримым атрибутам императорской власти. Это атрибут, скорее, сакральный. Поэтому судьба геммы нам неинтересна, – многозначительно намекнул британский посол. – Нам нужно лишь, чтобы исполнитель вынул из шкатулки заказанное кольцо и в условленное время в условленном месте передал нам. Что Азраэль сделает с остальными сокровищами, нас не касается.

Об утраченном давным-давно Ковчеге Завета Вилькин знал от ребе Менахера-Ицхока из бесед в хедере⁸, куда ходил, когда был ребенком. Ребе рассказывал, что Ковчег Завета имеет особую силу. Это видимый знак присутствия Господа среди людей, дарованный израильскому народу. Объект, наделенный сверхмощью. Семена ничуть не удивило, что абиссинские негусы посредством Ковчеге беседуют с Богом, ибо, согласно Ветхому Завету, слово Божье исходит из облака между двух находящихся на крышке Ковчеге серафимов, следовательно, такая беседа вполне возможна.

Также Вилькин знал, что артефакт был давным-давно похищен из Храма Соломона и до сих пор его местопребывание неизвестно. Но если заполучить гемму царицы Савской и вернуть святыню иудеям, униженные и оскорбленные сыны Израилевы снова обретут силу, власть и мощь. В памяти всплыл Базельский конгресс, долгие беседы о необходимости сионистского государства, и Вилькин, представив, как вернет единоверцам утраченное могущество, явственно ощутил дуновение славы.

Договаривающиеся стороны ударили по рукам. А уже на следующий день Вилькин принес в конюшню британского посольства кольцо Соломона. Футляр, в котором хранилась гемма – красный, сафьяновый, с золотой сканью по бокам, эсер разобрал на составные части и безжалостно сжег на заднем дворе отеля, где чернокожие работники сжигали мусор. А гемму – гладко отполированную, овальную, необыкновенного изумрудного оттенка, с наложенной поверх тонко вырезанной белоснежной церковью и белыми же странными буквами – спрятал. Вместе с остальными сокровищами негуса небрежно положил на столик в гости-

---

⁷ Негус (эфиопск.) – император.

⁸ Хедер – начальная школа иудеев.

ничном номере среди россыпей закупленных у индусов побрякушек, ибо твердо усвоил золотое правило – прятать нужно на самом видном месте.

Хотя и понимал, что хранить при себе драгоценности опасно. После ограбления императорского дворца обыскивали всех уезжающих из страны иностранных подданных, подозревая в каждом заговорщика, спешащего вывезти царские сокровища. Как он будет переправлять украденное на родину, Вилькин еще не придумал, но очень верил в свою удачу и рассчитывал, что providение само подскажет верный способ.

– Семен Аркадьевич, не прикидывайтесь глухим и слепым, – укоризненно взглянула на Вилькина жена российского посла.

– Вот вам святой истинный бог, ничего не знаю, – округлил глаза Вилькин.

Понизив голос, Сольская продолжала:

– Ну так слушайте, я вам расскажу. Злоумышляет против Ляджа Иясу та самая оппозиция, которая лишила принца символа императорской власти. На каждом углу трубят, что по обвинению в краже царских драгоценностей задержали бывшего подданного Российской империи фельдшера Лутюшина. Ужасная история! Мы даже не можем за несчастного вступить, ибо фельдшер не принадлежит к русской общине, отказываясь считать себя русским. Самое кошмарное в том, что по местным законам казнить его будет жена. И как казнят! Разрубит на части на базарной площади при большом стечении народа. Борис просил, чтобы хотя бы мальчика, их сына, не заставляли смотреть на казнь, но они даже посла слушать не стали. Звери, чистые звери!

– Как это так – просто взять и казнить? Надо же доказать, что это именно фельдшер украл! – возмущенно повысила голос Зиночка.

– Считается, что вина Лутюшина доказана, – вздохнула Сольская. – В момент кражи кто-то усыпил стражу, подсыпав в чан с тэджем⁹ сонного порошка. А в мусоре нашли несколько бумажек от снадобий, которыми фельдшер пользовал местную бедноту. Надо понимать, что Лутюшин проживает в Абиссинии с тысяча восемьсот девяносто седьмого года! Прибыл с атаманом Красновым, назначенным начальником конвоя первой русской дипломатической миссии в Аддис-Абебу. Обосновался, выписал жену, а недавно она родила здесь ребенка. Бедный, бедный мальчиш! Совсем еще маленький мальчик! Супруги хотели помогать страждущим, лечить немущих аборигенов. Как вы думаете, стали бы они участвовать в антиправительственном заговоре?

– Будем надеяться, что все обойдется, – закрыла неприятную тему Зиночка. – Лучшие расскажите еще о корреспонденте. Этом, как его...

Вилькин охотно напомнил:

– Гумилеве.

– Очень образованный человек, – тут же переключилась Вера Васильевна. – Николай Степанович окончил Сорбонну и Петербургский университет.

– Откуда это известно? – ревниво осведомился Вилькин, задетый за живое Сорбонной.

– Николай Степанович в прошлый свой приезд рассказывал. Тогда он только-только женился на киевлянке.

– Так он женат? – разочарованно протянула Бекетова.

Глаза хозяйки оживленно блеснули.

– И тоже необыкновенная история! – интригуяюще выдохнула она. – Вообразите, почти сразу же после свадебного путешествия в Париж Гумилев выехал в Абиссинию и прожил здесь полгода. Мы, конечно, не спрашивали о причинах, побудивших его покинуть молодую жену, но Николай Степанович однажды сам высказался, что между ним и его супругой решено продолжить длительными разлуками поддерживать взаимную влюбленность. Видимо, Гумилев неверо-

---

⁹ Пиво типа медовухи.

ятно состоятельный человек, если может позволить себе подобные эскапады. А вот и он! – рассказчица помахала рукой в сторону ворот. – Сейчас сами увидите.

Вилькин скептически усмехнулся. Значит, корреспондент журнала «Аполлон»? Ну-ну, любопытно взглянуть, что этот тилчик из себя представляет.

Санкт-Петербург, наши дни

Я часто так делаю – захожу в социальную сеть и, не регистрируясь, проверяю, что у нее новенького. Любопытно же, что произошло за то время, пока мы с ней не виделись. Вот! Добавился новый музыкальный альбом и еще одна фотография ее совершенной фигуры в неглиже на фоне ослепительной средиземноморской зелени. Маме сорок пять, а она выкладывает в Сеть такие откровенные картинки! Иногда мне кажется, что это хорошо, что мама ушла от нас с отцом к своему юному итальянскому другу, все равно она никогда не любила ни меня, ни папу. Но все же мне как-то спокойнее знать, что где-то там, далеко-далеко, в прекрасной солнечной Италии, есть она, такая любимая и такая ненавистная моя мама.

– Кораблина! Я к вам обращаюсь!

Я сунула смартфон в карман и посмотрела на главного редактора. Сегодня Олег Иванович выглядел франтом – в белоснежном поло и малиновых брюках. Понятное дело, только вчера вернулся из Вены, потому и смотрится очень по-европейски.

– Вы поняли задание?

Для того планерки и существуют, чтобы стимулировать и озадачивать. Каждый понедельник мы, журналисты издательского дома «Миллениум», собираемся в кабинете главного редактора Полонского и сначала получаем кнуты и пряники за прошедшую неделю, а затем – задания на неделю предстоящую. Нас набивается в роскошный кабинет главреда довольно много, так что некоторым не хватает стульев и приходится стоять, но в этот раз мне удалось занять неплохое сидячее местечко рядом с Романом.

Я особенно ни с кем не контактирую, общаюсь только с Ромой Чашиным из спортивного отдела. Чашин пишет про всевозможных чемпионов и про их тернистые пути к вершинам. Мне же, как правило, достаются культурные мероприятия. Потому, не моргнув глазом, я уверенно сообщила первое, что пришло в голову:

– Я должна осветить открытие выставки в «Артмузе».

По кабинету пронесся ехидный смешок, а Полонский посмотрел на меня долгим пристальным взглядом и сухо попросил:

– Софья Михайловна, задержитесь после планерки, надо кое-что обсудить.

– Как скажете, – потупилась я. И, поймав на себе тревожный взгляд Романа, сделала едва заметный жест рукой – дескать, не беспокойся, никто ничего не узнает.

Дело в том, что я не сплю. Совсем не сплю. В смысле, не могу закрыть глаза, расслабиться и прогрузиться в сладостное небытие со всеми вытекающими последствиями – с захватывающими сновидениями и утренним пробуждением отдохнувшей и посвежевшей. И только при помощи барбитуратов, которые мне поставляет Роман, я имею возможность хоть немного отключиться. Смешно, правда? Здоровяк Чашин, кровь с молоком – и барбитураты. Пропандист здорового образа жизни, певец спортивной славы и – толкает в редакции колеса.

Хотя, быть может, в этом как раз таки есть своя извращенная логика? Так сказать, потребность действовать от противного? А может, это вообще каким-то хитрым образом тесно связанные между собой звенья одной цепи? Хотя какое мне до всего этого дело, когда во рту стоит специфический вкус только что принятой таблетки, а по телу разливается блаженное расслабляющее тепло? Меня тронули за плечо, и я, обернувшись, прогнала сонную одурь, в последнее время сделавшуюся моим привычным состоянием. В кабинете было пусто – похоже, уже все разошлись, а я и не заметила. Только главный редактор стоял рядом со столом и сверху вниз вопросительно смотрел на меня. Полонский по-отечески провел по моей голове узкой холеной рукой и спросил:

– Соня, что с вами?

Губы его шевелились на чисто выбритом лице, как два бледных червяка. Я представила, как давяю их каблуком, и испытала что-то вроде радости.

– В смысле? – протянула я, запрокинув голову и с извращенным интересом рассматривая главного. Он никогда мне не нравился. Смазливый, гладкий, какой-то весь целлулоидный, как Кен, друг Барби.

– В прямом, – проговорили червяки над мужественным, с ямочкой, подбородком. – Вы снова выпадаете из реальности. Ну скажите, какая «Артмуза», когда речь шла об «Артплее»?

– Непринципиально, – дернула я плечом. – «Артплей» так «Артплей».

Полонский улыбнулся так, словно одарил меня конфетой. И насмешливо произнес:

– Что-то не слышу энтузиазма в голосе!

– А чему радоваться? Сегодня «Артплей», завтра – «Артмуза», послезавтра – еще какая-нибудь «арт»-ерунда. Разницы никакой. Во всех этих новомодных кластерах устраиваются так называемые арт-проекты, однообразные до ужаса. Тоска. Хоть вешайся.

Главный поскреб подбородок мизинцем и с видом доброго дяденьки, разговаривающего с плачущим ребенком, присел передо мной на корточки.

– Слушайте, Соня, а давайте я отправлю вас в командировку! Прямо с завтрашнего дня. Смените обстановку, развеетесь.

– Я не могу, – с трудом выдавила я из себя.

– Не можете что?

– Не могу уехать.

Шеф выглядел удивленным.

– А в чем проблема?

– Я должна купить запас продуктов. Для родных.

– Само собой, сначала вы позаботитесь о родных, потом все остальное. Отложим наш разговор до завтра, – вежливо улыбнулся Полонский. И великодушно добавил: – Вы же отлично пишете! Нельзя зарывать такой талант в стылой питерской земле.

– Спасибо, Олег Иванович, тронута вашей заботой, но думаю, что лучше мне остаться в городе. Для всех лучше, – проговорила я, поднимаясь перед ним, сидящим на корточках, в полный рост. Одернула юбку, поправила чулок и уточнила, делая шаг к дверям: – Я могу идти?

– Идите, Софья Михайловна, – вяло махнул он рукой, и в голосе его прозвучало отчаяние от невозможности что-либо изменить.

Лавируя между расставленными вкривь и вкось стульями, я прошла через кабинет и толкнула приоткрытую дверь. В коридоре томился у окна здоровяк Чашин. При виде меня он шагнул навстречу и шепотом осведомился:

– Ну что, Сонь? Чего он от тебя хотел?

– В ссылку отправляет, – хмыкнула я. – Думает покончить со мной раз и навсегда. Чтобы глаза не мозолила.

Рома присвистнул, сунул руки в карманы коротких, узких, невероятно стильных штанов и, качаясь с пятки на мысок, неодобрительно протянул:

– Да ладно! Куда хоть гонит-то?

– Пока еще не решил.

Приятель кинул на меня сочувственный взгляд и нарочито веселым голосом, каким обыкновенно разговаривают со смертельно больными, предложил:

– Сонька, айда в макдачную, вкусить вредной пищи!

– Никак не пойму, Чашин, как в тебе уживается любовь к колесам, холестериновым забе-галовкам и черный пояс по карате.

– Легко, – усмехнулся он, подхватывая меня за талию и устремляясь к лифту.

Домой я попала ближе к полуночи. «Макдоналдс», в который мы пошли, внезапно оказался рядом с домом Чашина, и Рома уговорил зайти к нему попить чайку. И я подумала –

отчего бы не заглянуть к приятному юноше? И вот теперь, в первом часу ночи, стараясь не греметь ключами, я осторожно открывала дверь своей квартиры. Потянула на себя тяжелую дверную створку, шагнула в темную прихожую и нос к носу столкнулась с Жанной.

Кузина по отцовской линии стояла, уперев руки в полные бока, и скептически взирала на мое деликатное возвращение домой. Очки ее угрожающе поблескивали, не знавшие помады губы кривила скептическая усмешка. Жанна приехала в гости из Орла на пару дней и гостит уже не помню сколько месяцев. Обжилась, завела подруг-единомышленниц – таких же феминисток, как и она сама, и даже ухитрилась прославиться как популярная блогерша. На просторах интернета она известна как Жанна Жесть, или Орлянская Дева.

Ее позиция предельно проста – максимальная свобода женщинам, ибо общество устроено так, что мужчинам можно все, а нам – ничего. Вина общества в том, что приучило нас, женщин, носить неудобные наряды и испытывать дискомфорт, дабы порадовать внешним видом мужчин. Жанна называет это женской гендерной социализацией и всячески с нею борется. В принципе, я не против пребывания Жанны у нас – квартира огромная, в самом центре, в большом старинном доме. Однако тотальный контроль и давление со стороны кузины начинают изрядно надоедать.

– И где ты, Сонечка, пропадала до часу ночи? – бесцеремонно осведомилась Орлянская Дева.

– На работе была, – независимо буркнула я, кидая сумку на подзеркальник.

– Хватит заливать! – сердито оборвала кузина. – Ну, и как? Удобно ходить разодетой, как кукла-дегенератка? В туфельках на шпильках, чулочках и узенькой юбочке? А эта твоя кофточка с идиотским вырезом до пупа? Для чего она? Чтобы выставить юные перси на всеобщее обозрение?

– Это редакционный дресс-код, – оправдывалась я, – Полонский требует от сотрудниц по понедельникам являться одетыми в офисном стиле.

– By the way¹⁰, одеваться и краситься ради того, чтобы потакать мужчинам, – триумф объективации¹¹, – назидательно сообщила Жанна.

Как по мне, так это на редкость глупая привычка – вставлять в речь английские фразы и выражения, но Жанне, должно быть, кажется, что так она приближается к свободной и очень феминизированной Европе. И, глядя, как я с наслаждением разубаюсь, Орлянская Дева неумолимо продолжила:

– Полагаю, ты не можешь не знать, что узкие туфли на шпильке уродуют ноги, а тугие пояса вызывают изофагит желудка.

– Как хочу, так и хожу, – огрызнулась я.

Жанна тут же сменила тактику и ласково затащила:

– Я уважаю твой выбор, но ты должна понимать, что этот выбор тебе навязан обществом. Такой уж тебя воспитали, внушили, что девочка должна носить розовые юбки, а мальчики – голубые штаны. Пошли ты, Сонька, к черту эти быюти-практики! Look at me!¹² При росте сто семьдесят сантиметров я вешу восемьдесят кило, потому что люблю вкусно покушать и ненавижу тренажерные залы. С какой такой стати я должна истязать себя? Только потому, что кому-то не нравится мое тело? И лифчик я не ношу из принципа, ибо он сковывает движения. Почему мы, женщины, должны испытывать дискомфорт?

Она задрала растянутую футболку и похлопала себя по плотному животу.

– Пусть нас любят такими, какие мы есть! Мое тело – мое дело!

---

¹⁰ By the way (англ.) – между прочим.

¹¹ Взгляд на человека как исключительно на сексуальный объект.

¹² Look at me (англ.) – смотри на меня.

– Жанночка, пропусти меня в спальню! – взмолилась я. – Можно я уже переоденусь? Прилечь очень хочется.

Кузина торжествовала. Поправив указательным пальцем очки на переносице, она с демонстративным сочувствием выдохнула:

– Что, не есть комфортненько валяться на кровати в такой вот кофточке? Грудь вываливается? Чулочки дорожные жалко порвать? Ну и на черта такие трудности, answer!¹³ Ты должна быть ценна для мужчины сама по себе, а не подвязками и духами. Футболка, джинсы, кроссовки – вот одежда нормального современного человека. Причем, замечу, вид одежды не зависит от формы гениталий. Ладно, иди, жертва сексуальной тирании, переодейся и поешь. Дядя Миша плов приготовил.

Дядей Мишей Жанна зовет моего папку. Папа военспец, много лет провел в далеких командировках, в детстве я его почти не видела, растила меня мама. Когда же приезжал, я не слезала с его рук, таскала с собой гулять, в кино, на каток, в бассейн, в музеи, на симфонические концерты, к учителям и преподавателям, ревела и требовала, чтобы папка перестал уже уезжать и жил дома. И вот мой папа вышел на пенсию и плотно осел в нашей уютной квартире. Настолько плотно, что его на улицу и калачом не выманишь.

У нас в семье он по хозяйству. Само собой, в свободное от просмотра фильмов и спортивных занятий время – в его комнате оборудован спортивный зал с боксерской грушей, тренажерами и зеркалами по стенам, а в гостиной имеется домашний кинотеатр. Пока наша феминистка торчит в интернете, размещая мужененавистнические посты, отец с удовольствием хлопочет по дому, готовит, прибирает и возится с Катюней, добирая теплоту и нежность, которую недополучил, пропадая в своих командировках, когда я была маленькая.

Теперь о Катюне. Ей пять лет, и она очаровательна. Катюню привела к нам жить Орлянская Дева, кратко поставив в известность, что мать малышки – ее подруга-феминистка, страдающая затянувшейся послеродовой депрессией. Также сказала, что в этом болезненном состоянии мать девочки винит своего мужа и, собственно, Катюню. Поэтому малышке лучше побыть в отдалении от приболевшей родительницы, чтобы дать возможность оправиться и пережить трудные времена. Папа ужасно обрадовался, я тоже была не против. Так Катюня поселилась в моей бывшей детской.

Девочка смотрит с папой кино, играет с моими игрушками и, невзирая на наличие уютной детской кровати, все равно спит в том же самом платяном шкафу, в котором когда-то спала и я. Не подумайте, что я забиралась в шкаф всегда. Нет, не всегда, а только тогда, когда к маме приходили разные мужчины, а папа был далеко-далеко и не мог их выгнать. Тогда я пряталась в шкафу и плакала, умоляя их уйти, а мама запирала меня в моей комнате и не позволяла несколько дней выходить. И теперь она где-то на юге Италии, а я изучаю ее страничку в интернете, радуясь, что она просто есть, и все.

Это моя семья. Мы живем очень дружно и камерно, и нам никто не нужен.

* * *

Бар «Вторая древнейшая» на Васильевском острове соответствовал названию, ибо представительницы «первой древнейшей» профессии – проститутки – в заведение наведывались редко, зато журналистов было хоть отбавляй. Неприметный снаружи, кабачок постоянно под завязку заполнялся пишущей, снимающей и выкладывающей в интернет новостные блоки братией, снующей от отгороженных перегородками диванчиков к барной стойке и обратно. К барной стойке посетители двигались с пустыми руками, к столикам возвращались с напитками.

---

¹³ Answer (англ.) – ответ.

Заведение считалось демократичным, собирались здесь только свои, и редко кто дожидался загнанную официантку, предпочитая самообслуживание.

За одной из перегородок расположились два очень непохожих друг на друга клиента. Олег Полонский был хорошо выбрит, отлично подстрижен, одет в идеально сидящие брюки «Vogna» и рубашку того же солидного бренда. Его длинноволосый приятель – Сергей Меркурьев – сидел на диванчике, кинув рядом с собой сетчатую, со щитками, мотоциклетную куртку. Также на диване рядом с его рюкзаком краснел шлем от мотоцикла, окончательно отменяя сомнения – если они у кого-либо еще оставались – о способе передвижения руководителя одного из отделов пресс-службы аппарата управделами президента. Налив в стакан минералки и залпом осушив его, Меркурьев расстегнул рюкзак и вынул синюю папку.

– Ты просил – я сделал, – пятерней зачесывая назад непокорную челку, проговорил он, протягивая папку Полонскому. – Здесь все: отчеты, выписки, свидетельские показания. Целое досье на Софью Кораблину.

– Спасибо, Сережа, – откликнулся главный редактор «Миллениума», вынимая из кармана брюк плотно набитый конверт. Положил конверт на стол и придвинул к приятелю. – Это за работу.

– Да ты что! – возмутился Меркурьев. – Обидеть меня хочешь?

Полонский отпил минералки и сдержанно пояснил:

– Ты ведь тратился на взятки, добывая информацию.

– Да перестань, какие там взятки, – широко улыбнулся Сергей. И со значением понизил голос, округляя подернутые поволокой выразительные глаза: – Личные контакты, пара шоколадок и один-единственный ни к чему не обязывающий поход в кино. Уверю тебя, Олежек, это меня не сильно разорило.

Полонский склонил к плечу зачесанную на идеальный пробор голову и, убирая деньги обратно в пиджак, без выражения проговорил:

– Как скажешь, Сережа. Буду должен. Понадобится помощь – обращайся. Хотя смешно – какая от меня помощь? – Полонский невесело усмехнулся. – Впрочем, могу твоё фото на обложке какого-нибудь глянца разместить. Скажем, как тебе «Звезды эпохи»?

– Не, фото не надо, моя физиономия не так хороша, чтобы повысить продажи твоего глянца.

– Не хочешь твое, могу фото Веденеевой разместить.

– Не, её тем более не надо, – отрицательно мотнул челкой Меркурьев. – И так прохода мне не дает, а если респект Галине оказать, вообще невесть что о себе возомнит. Лучше свести общение с ней к минимуму. Встречаться исключительно по работе. Черт! Как вспомню о работе – страшно становится. Полный завал. Мне в Москву надо срочно выбраться и в Женеву. Тоже срочно. И в Бежецк. Некогда, совершенно некогда. Одновременно надо оказаться в трех местах. Что я, волшебник? Я сначала планировал попросить Веденееву съездить с дедом вместо меня в Бежецк, а потом передумал. Только попроси о чем-нибудь, от нее потом не отделаешься.

К их столику с подносом торопливо приблизился лично владелец заведения, и мужчины замолчали, давая ему возможность поставить на стол две чашки кофе. Несмотря на демократичность заведения, сидевшие за дальней перегородкой клиенты были слишком важными персонами, чтобы хозяин «Второй древнейшей» доверил их обслуживание нерасторопной официантке.

– А может, зря ты с ней так? – проговорил Полонский, придвигая к себе блюдо, беря чашку и делая первый глоток. – Галка девушка породистая. Присмотрелся бы к ней, Сереж. Может, замуж бы взял.

– Слушай, Олежек, заканчивай меня сватать, – попивая обжигающий кофе маленькими глотками, поморщился Меркурьев. – Ты с Ириной развелся и перекрестился. А меня в когти

дьяволу толкаешь. Мне Симы на всю оставшуюся жизнь хватит. Мы с ней разбежались, а до сих пор дохнуть не дает. Сам ведь знаешь, с отцом ее ношусь как с писаной торбой. Старик дурит – капризничает, а я только в пояс кланяюсь. Как же! Академик Граб! Сам себя ненавижу, а ничего поделать не могу, ибо многим ему обязан. Зато теперь я научен горьким опытом. Больше никогда не женюсь.

– А я, Сереж, опять жениться собираюсь.

– Да ладно! – Меркурьев недоверчиво вскинул брови. – На ком же?

– На ней. На Соне Кораблиной.

Голос Полонского дрогнул, лицо покрылось стыдливым румянцем.

– Не сейчас, конечно, – смущенно добавил он. – Со временем.

– А Ирка как? Глаза не выцарапает? – приятель заинтересованно подался вперед. – Бывшие жены, они знаешь какие злопамятные? Меня Серафима до сих пор на коротком поводке держит, хотя давным-давно свалила за рубеж и превосходно себя чувствует. А я должен присматривать за ее отцом, как будто других забот у меня нет.

– А ведь тебе весь курс завидовал, когда ты дочь самого академика Граба под венец повел. Ты тоже, помнится, радовался.

– Дурак был, вот и радовался, – Меркурьев отодвинул пустую чашку и расслабленно откинулся на спинку дивана, закинув руки за голову. – За Симкой весь универ бегал, а она меня выбрала. А потом такой змеей оказалась – мама дорогая. Я как диссертацию под руководством Викентия Павловича защитил, сразу охладел к Серафиме Викентьевне.

– Сплошь и рядом такое бывает, – сухо кивнул Олег.

– Сам все понимаешь, – усмехнулся Меркурьев. – В общем, с Симой, получается, мы расстались, а старика я бросить не могу. Душа за него болит – все-таки девяносто два года академику.

– Да, возраст. И как его самочувствие?

– Бодр и свеж и рвется в бой. Видит слабо, а в остальном вполне сохранен. Презентует, где только может, свою книгу. На гумилевские чтения в Бежецк собирается, и Сима требует, чтобы я ехал вместе с ним и глаз с него не спускал. А когда мне за стариком присматривать? Мне собой заняться некогда. В тренажерном зале уже месяц не появлялся, в бассейне полгода не был. Бывшая жена, а так за горло взяла – не дохнуть. А Ирина дама не вредная, не станет тебе руки выкручивать.

– Да, Ира порядочная. Честно тебе скажу, я от нее только из-за Сони ушел. Помнишь, как я переживал, что детей у нас с Ирккой нет? А теперь понял, что Господь нам специально детей не дал, чтобы мы могли разойтись без особых сожалений. Я, когда Соню увидел, поговорил с ней, понял – или она, или никто. Моя женщина. И дети у нас с ней будут. И все будет. Не сейчас, конечно. Пусть пройдет время.

Меркурьев неожиданно подался вперед, облокотившись локтями на стол, и азартно проговорил:

– Слушай, Олег, а давай твою Соню на недельку устроим помощницей к академику Грабу? Пусть съездит со стариком в Бежецк. Ну, никак у меня поехать не получается. А Сима напирает, требует, чтобы отца ее не бросал ни в коем случае. Ты же знаешь, как Викентий Палыч к людям относится. Мало кто может найти с ним общий язык. А хорошенькая девушка всегда имеет массу преимуществ.

По лицу Полонского было заметно, что идея ему не нравится.

– Может, все-таки Веденееву попросишь? – недовольно протянул он.

– Да ты что, Олежек! – рассмеялся Сергей. – Дед таких, как Веденеева, на дух не переносит. Помнишь, как Машку Савельеву с факультета культурологии третировал? И глупа-то, и вульгарна, и пробы на ней ставить негде. А Соня девушка приличная, не вертихвостка, старик таких одобряет.

– Куда нужно ехать?

– Да говорю же, в Бежецк. Я представлю ее академику как литературного секретаря с обязанностями сиделки. Ну, там, рубашку помочь сменить, проследить, чтобы всегда у него было свежее белье и отутюженный костюм. И, само собой, записывать все, что Викентий Павлович надиктует, коль найдет вдохновение.

– Ну, не знаю, – продолжал сомневаться главный редактор. – Я хотел Софью взять с собой в Латвию на ежегодный фестиваль сыров. Так сказать, пообщаться в неформальной обстановке. Выезжаем завтра, утренним поездом. Я и билеты заказал.

– Не рано ли? Может испугаться, если станешь форсировать события.

– А может, ты и прав, – задумчиво протянул Полонский. – Пусть для начала Соня поработает с академиком Грабом, глядишь, представится случай поболтать с ней о старике, а там и до неформальной обстановки на Рижском взморье очередь дойдет. Ладно, Сереж. Считай, договорились.

Меркурьев широко улыбнулся, перегнулся через стол и хлопнул приятеля по плечу.

– Спасибо, Олежек, очень выручил. Теперь главное, чтобы твоя красавица согласилась.

– А куда она денется? – пожал плечами Полонский. – Сам знаешь, у журналистов не принято обсуждать задание начальства. Только я бы на твоём месте особенно не обольщался насчет того, что Соня сработается с Грабом – старик найдет к чему придраться.

– Характер у моего бывшего тестя не сахар, я давно ко всему готов. Но попытка – не пытка. Завтра часикам к двенадцати пусть Кораблина подъедет к дому Викентия Павловича, я познакомлю Соню с подопечным и введу в курс дела. Помнишь, где живет Граб?

– Скинь адрес по ватсапу. Только ты ее обязательно встретить и проводи.

– Да не волнуйся ты за свою Соню, ничего с ней не случится.

– Все, Сережа, – поднялся из-за стола Полонский. – Я пошел. Еще раз спасибо за информацию.

– Всегда пожалуйста, обращайтесь, если что, – привстав и поклонившись, дурашливо откликнулся Меркурьев.

И, прищурившись, пристально посмотрел в спину удаляющемуся другу. Дождавшись, когда главный редактор издательского дома выйдет из кафе, пиарщик вынул смартфон и набрал нужный номер.

– Добрый вечер, Андрей Андреевич, это Сергей. Наша договоренность остается в силе. Завтра я подъеду к вам в архив и передам половину оговоренной суммы. Вторую часть денег получите сразу же после приезда академика в Бежецк.

Аддис-Абеба, 1913 год

Сидя на высокой террасе белого посольского дома, слушая болтовню хозяйки и потягивая до омерзения теплое шампанское, Семен Вилькин, не отрываясь, смотрел, как по пыльной дороге к вилле приближается мул с двумя седоками. Про седоков проницательному эсеру сразу же стало все ясно. Восседающий первым держался важно и выглядел так, словно аришин проглотил. Второй был явно подавлен авторитетом первого и вид имел приниженный и жалкий.

Миновав разомлевших в воротах ашиеров, взбодрившихся при виде посетителей, мул ступил на территорию посольства, неспешно проследовал по усаженной розами дорожке, остановившись перед высокой верандой. Седоки спешили и, передав животное на попечение чернокожих слуг, вошли по лестнице. Чинно ступая, первым поднялся узкоплечий господин в пыльном холичовом костюме. Длинное лицо его с крупным мясистым носом было надменно, широко посаженные глаза казались плоскими, и, кроме того, один зрачок заметно косил. За косоглазым взбежал по ступеням смущенный приземистый юноша с детским румянцем во всю щеку. Подбрав юбки, навстречу прибывшим гостям устремилась Сольская, радушно приговаривая:

– Ну наконец-то! Николай Степанович! Как добрались?

«Ну точно! Николай Гумилев!» – с неприязнью отметил про себя Вилькин, еще внимательнее рассматривая некрасивого господина.

– Благодарю вас, Вера Васильевна, – учтиво проговорил косоглазый, деревянной походкой направляясь к хозяйке.

Едва поэт раскрыл рот, как Семен отметил про себя, что в речи Гумилева имеется едва уловимый дефект, эдакая легкая картавость, режущая ухо и вызывающая раздражение. А Гумилев продолжал, обращаясь к хозяйке:

– Ваша охранная грамота сослужила нам с Колей отличную службу.

Обернувшись к своему спутнику, поэт сделал широкий жест и, кивнув на юношу, проговорил:

– Прошу любить и жаловать. Мой племянник Николай Леонидович Сверчков. В семье мы называем его Коля-маленький. Коля помогает мне собирать этнографический материал.

– Как же, как же, мы наслышаны! – заулыбалась хозяйка, обернувшись к Бекетовой. – Зиночке уже, кажется, доводилось встречаться с господином Сверчковым? Помнится, вы что-то такое мне утром рассказывали. Позвольте представить, Николай Степанович, Зинаида Евсеевна Бекетова.

Бекетова царственно кивнула, окинула застенчивого юношу оценивающим взглядом и, явно не причислив к «героям», безразличным голосом выдохнула:

– Совершенно верно, не далее как вчера ближе к полудню я застала Николая Леонидовича за ловлей цикад. Ну, уважаемый господин энтомолог, как ваши успехи? Изловили что-нибудь стоящее?

– Да я, собственно... – начал было Коля-маленький, еще больше покраснел и сбился, ибо его собеседница вовсе не интересовалась ответом, а, развернувшись к Гумилеву, беззастенчиво рассматривала поэта, классифицируя по привычной для себя шкале.

Должно быть, придя к выводу, что и Гумилев «не ее герой», Зиночка сухо представилась и с досадой отвернулась. Вилькин, темноволосый, смуглый и широкоплечий, справедливо считающий себя красавцем, даже проникся к поэту легкой жалостью. Бледный какой-то, хилый, должно быть, болеет много и быстро устает, да еще косоглаз и картавит.

– Гумилев, Николай Степанович, – манерно поклонившись, отрекомендовался Вилькину поэт.

– Очень, очень приятно, – приподнялся в кресле Семен, пожимая протянутую женственную руку, неожиданно крепко сжавшую лопатообразную ладонь Вилькина.

После рукопожатия новый гость удобно устроился в ротанговом кресле рядом с эсэром, достал папиросу из черепахового портсигара, закурил и, от возбуждения картавя сильнее прежнего, принялся излагать свои взгляды на жизнь. Послушав пару минут, Вилькин понял, что говорит с человеком, рассуждающим совсем как подросток лет шестнадцати. Не старшие. И если Семен придерживался взглядов социал-революционных, то взгляды Гумилева были целиком и полностью утопическими.

– Я очень уважаю монархию, и особенно государыню императрицу, однако твердо убежден, что только поэтам должно быть позволено управлять миром, – вполне серьезно сообщил Гумилев, одним глазом взирая на Вилькина, вторым – на синеющие вершины гор.

Под его раздвоенным взглядом Вилькин испытал странное чувство, точно собеседник обращается не только к нему, но и к вселенной в целом. Гумилев вынул из портсигара очередную папиросу, закурил от предыдущей и, выпустив из широких бледных губ синеватый дым, вдохновенно продолжал:

– Ведь если мы, поэты, владеем искусством выбирать самые лучшие слова и расставлять их в наилучшем порядке, то неужели не сможем принимать нужные для государства решения?

Зиночка взглянула на говорящего с любопытством, словно увидела в первый раз, а Вилькин, барабанив пальцами по столу, раздраженно думал: «Черт меня подери, если он не болен психически! А я-то тоже хорош, начитался стихов! Поддался бредовым фантазиям и приехал за семь тысяч верст кормить москитов!»

– Так вы поэт? – кокетливо улыбнулась Зиночка. – Как вы сказали, ваша фамилия? Гумилев? Нет, не знаю. Я Ахматову люблю. Как там у нее? «Я на левую руку надела перчатку с правой руки...»

– Анна Андреевна моя жена, – без выражения сообщил поэт.

– Да что вы говорите! – обрадовалась Бекетова. – Так это о вас Ахматова так много грустного написала? Если судить по ее стихам, вы, Николай Степанович, умерли самой трагической смертью.

Гумилев перевел на Зиночку свой странный, двоящийся взгляд, затушил в пепельнице едва закуренную папиросу и сухо проговорил:

– Вы ошибаетесь, милая барышня. Аня пишет не столько обо мне, сколько об абстрактном лирическом герое.

– А где можно увидеть ваши стихи? – не унималась Зиночка, кокетливо улыбаясь не столько поэту Гумилеву, сколько мужу самой Ахматовой.

Гумилев приосанился и не без гордости сообщил:

– Я выпустил несколько сборников. И издаюсь в журнале «Аполлон».

Он снова закурил, а на лице Бекетовой отразилась растерянность.

– Как жаль, не слышала о таком.

– Ничего удивительного, что не слышали. Мне Николай Степанович в прошлый раз говорил, что журнал его из декадентских, – снисходительно пояснила хозяйка дома.

Гумилев вдруг оставил папиросу в пепельнице, наклонился к Зиночке и с чувством проговорил, глядя ей прямо в глаза:

– Хотите, посвящу вам стихотворение?

Девушка вспыхнула, а поэт, не отрывая гипнотизирующего взгляда от ее лица, подхватил Зиночкину руку, порывисто сжав в ладонях, и Вилькин его окончательно возненавидел.

Красавица Бекетова покраснела от удовольствия и кокетливо обронила:

– Не скрою, господин Гумилев, я очень хочу, чтобы вы посвятили мне стихотворение.

– Дайте мне пару минут, – попросил поэт, продолжая пожирать собеседницу глазами. Немного помолчав, он принялся нараспев декламировать:

Уедем, бросим край докучный
И каменные города,
Где вам и холодно и скучно,
И даже страшно иногда...

Для экспромта стихотворение оказалось довольно-таки длинным, витиеватым, с ярко выраженным африканским колоритом и заканчивалось словами:

И, не тоскуя, не мечтая,
Пойдем в высокий Божий рай,
С улыбкой ясной узнавая
Повсюду нам знакомый край.

– Это вы прямо сейчас сочинили? – не поверила Зиночка.

– Прямо сейчас, – скромно потупился поэт.

– Потрясающе! – ошеломленно прошептала девушка. И тут же похвасталась: – А я картины пишу. Правда, пока еще не слишком хорошие. Хотите, покажу?

Зиночка проворно поднялась из-за стола, увлекая за собой поэта. Перед картинами уже топтался Сверчков, рассматривая кривобоких африканцев.

– Вполне в народном духе получилось, – оптимистично проговорил он, с обожанием глядя на начинающую художницу.

– Вам правда понравилось? – обрадовалась Зиночка.

Миловидное лицо ее озарила улыбка, обозначив ямочки на щеках. Коля-маленький радостно кивнул, и Зиночка обернулась к Гумилеву.

– А вам? – прищурилась она.

– И даже очень, – скупно обронил Гумилев без тени улыбки. И деловито добавил: – Знаете что? Подарите мне эту картину, – указал он на самое большое полотно. – В обмен на мое стихотворение, идет?

– Берите все! – расщедрилась художница.

Гумилев выглядел удивленным.

– Нет, в самом деле? – недоверчиво переспросил он. – Можно забрать? Вот спасибо! Вы даже не представляете, милая Зинаида Евсеевна, как мы с Колей рады вашему подарку!

– Не нужно никаких отчеств! Для друзей я просто Зиночка.

– С радостью буду вас так называть. – Гумилев кивнул племяннику, тут же принявшемуся сносить картины с веранды вниз и пристраивать в седельную сумку на спине мула. – В нашей этнографической коллекции они будут как нельзя кстати. Как говорят, каждое лыко в строку.

– Я к вашему отъезду еще нарисую! – вдохновенно обещала Зиночка. – Вы надолго здесь?

– Думаю завтра отправиться в Харрар, – важно сообщил поэт, продолжая снимать картины с подрамника и передавать Сверчкову.

Вилькин с возрастающим раздражением наблюдал за странной манерой Гумилева с невероятно значительным видом изрекать будничные фразы и, важничая, делать самые обычные дела.

– Это город древний, загадочный, – с апломбом вещал Гумилев. – В свои первые визиты мне не довелось наведаться в глубь страны, но теперь Академия наук снабдила нас верительной грамотой и некоторой суммой денег.

Вилькин перестал выстукивать по столешнице баркаролу, вскинул глаза на Гумилева и, подавив клокотавшее раздражение и все еще пытаясь казаться учтивым, любезно проговорил:

– Дело в том, Николай Степанович, что разрешение на путешествие в Харрар может дать только дэджазмач¹⁴ провинции, рас Тэфэри Мэконнын. Я имею определенные связи в местных высокопоставленных кругах и, если хотите, замолвлю за вас словечко.

Подобная любезность грозила Вилькину разоблачением, но Семен все равно решил показать свою значимость и тем самым утереть заносчивому поэтишке нос, пусть даже ценою собственной свободы. Однако Гумилев не оценил проявленного великодушия. Передав последнюю картину Сверчкову, деревянными шагами вернулся за стол, рухнул в кресло и, чиркнув спичкой о коробок, закурил очередную извлеченную из портсигара папиросу, резко парировав:

– Благодарю, в протекциях не нуждаюсь. Здешние правила мне хорошо известны. Ящик коньяку открывает любые двери.

И, посчитав беседу законченной, Гумилев отвернулся от Вилькина к Зиночке. Улыбнулся бледными бесформенными губами, проговорив:

– Мадемуазель, вам очень идет этот наряд. Это из Константинополя?

– Николай Степанович, вы же не знаете! – задохнулась от волнения Сольская. – Наша Зиночка едва не стала в Константинополе наложницей! Страшно подумать, если бы не капитан корабля, как его? Кажется, Гавриков? Зиночка сейчас бы томила в гареме. Зиночка, расскажите!

Девушка томно откинула со лба выющуюся светлую прядь и, пригубив шампанское, манерно протянула:

– А что, собственно, рассказывать? Ничего особенного. Когда я плыла по морю к папе, наш пароход остановился в Константинополе. Я отправилась пройтись по магазинам, накупила всяких разностей, в том числе и этот наряд. И в одной из лавочек меня взяли в плен.

– Да что вы говорите! – заинтересовался Гумилев.

– Представьте себе, – самодовольно откликнулась Зиночка. – Хозяин вдруг набросился на меня, запер в кладовке и не хотел выпускать. Я кричала и молотила в дверь, и только поэтому меня услышали полицейские и вызволили из западни. Освободили и передали в руки вовремя подоспевшего капитана Гаврикова. При этом полицейские рассказали капитану, что турок-лавочник уже договорился продать меня в гарем.

Зиночка дернула круглым розовым плечом и весело сказала, с озорством глядя на насупленного Вилькина:

– Только и всего.

Не желая подыгрывать подлой оболстительнице, Вилькин безразлично отвернулся, хотя мог бы в отместку за ее флирт с поэтом рассказать, как было на самом деле – Семен не раз выпивал с тем самым капитаном Гавриковым, в чьи руки передали Зиночку, и знал правду. А было так. Как только остановились в Константинополе, мадемуазель Бекетова сошла на берег и отправилась бродить по магазинам. Накупив всяких разностей и истратив почти все деньги, барышня зашла в ювелирную лавку и попросила показать понравившиеся сережки. Одну пару сережек купила на последние деньги, вторую вставила в ушки и со смехом сообщила, что это «present». Но дарить сережки турок наотрез отказался, требуя украшение вернуть. Капризная Зиночка закусил удила и не захотела подчиниться. Лавочник затолкал сомнительную покупательницу в кладовку и послал за полицией. Подоспевший страж закона вник в ситуацию и, опасаясь международного конфликта, призвал на помощь капитана корабля. И Гавриков выкупил Зиночку, заплатив за так приглянувшееся ей украшение.

¹⁴ Дэджазмач (эфиопск.) – управляющий.

– Николай Степанович, господин Сверчков говорит, что вы отыскиали какой-то необыкновенный ковер? – словно издали донесся кокетливый голос Бекетовой.

– Да! Да! – горячо подхватила госпожа Сольская, возвращая Семена к действительности. – Расскажите о ваших находках!

Вилькин окончательно пришел в себя и тяжелым взглядом воззрился на поэта.

– Что ж, извольте, – оживился Гумилев. – Действительно, сегодня утром на центральном базаре Аддис-Абебы нам с Колей посчастливилось приобрести диковинную вещь – древний шелковый ковер. На ковре вышита царица Савская, вступающая в Иерусалим.

– Вот бы одним глазком взглянуть! – заинтересовалась Вера Васильевна.

– Коля, – обернулся к племяннику Гумилев, – будь так любезен, принеси ковер.

Сверчков проворно сбегал по ступеням, устремляясь к мулу. Зашел с тыла melancholically живущего животного, привстал на цыпочки, стараясь дотянуться до перекинутых через широкую шею мула полотняных торб, и, изловчившись, вытащил из-под Зиновкиных африканских полотен плотный сверток. Прижав добычу к груди, бегом вернулся назад. Торопливо поднялся по ступеням и бережно передал свою ношу родственнику. Гумилев с силой встряхнул сверток, разворачивая ковер, и перед зрителями предстала великолепно выполненная вышивка, изображающая сидящую на белом верблюде женщину. Пышиноволосую голову венчал изящный обруч с павлиньим пером, пристегнутым крупным зеленым камнем. Точно такой же массивный камень был вставлен в перстень на указательном пальце ее правой руки, придерживающей поводья.

Вилькин шумно сглотнул, но постарался, чтобы охватившее его волнение не слишком отразилось на лице. Кольцо было то самое, которое он передал британскому послу. А зеленый камень из царского венца сейчас валялся среди прочих безделушек в его номере в виде геммы, инкрустированной белоснежной церковью и непонятными буквами.

Проводя ладонью по гладкому шелку ковра и любясь рисунком, Гумилев задумчиво произнес:

– К слову сказать, на пальце у императора я видел кольцо, как две капли похожее на это. Должно быть, точная копия.

– Совсем не копия, это то же самое кольцо, – возразила супруга посла. – Кольцо Соломона, которое перешло к его сыну от царицы Савской – Менелику Первому, основавшему императорскую династию Абиссинии. Нынешний негус, Менелик Второй, ведет свой род от легендарного царя и царицы Савской, потому и надевает во время приемов это символическое кольцо.

– Хотелось бы запечатлеть Менелику Второму свое почтение и в этот раз.

Сольская болезненно поморщилась.

– Боюсь, Николай Степанович, ничего у нас с вами на этот раз не получится. Для русских в Абиссинии настали не лучшие времена.

– Вы представляете, кто-то выкрал из царских покоев это самое кольцо Соломона! – затараторила Зиновка и ткнула пальчиком в шелк ковра. – Подозрение пало на одного русского – фельдшера Лугошина.

– Это трагическое недоразумение, – поспешила заверить присутствующих хозяйка дома. – Полагаю, так или иначе, все разрешится...

Вера Васильевна оборвала свою речь на середине фразы, подавшись вперед и с тревогой всматриваясь в заросли.

– Будто медом ему тут намазано! – сдавленно проговорила женщина, наблюдая, как чернокожий садовник, оглядываясь на кусты, торопливо скрывается в сарае. И, обернувшись к сидящим на веранде, взволнованно вскрикнула: – Господа, было бы нелишним перебраться в дом!

– Что-то случилось? – встрепнулся Вилькин.

– Опять этот несносный черный леопард, – торопливо пожаловалась хозяйка. – Два года после смерти прежнего посла дом пустовал, и на территории посольства жили леопарды. Когда мы поселились здесь, все леопарды ушли, только черный никак не уходит.

– Почему же его не убьют? – надменно осведомился Гумилев.

– Да что вы! – замахала руками Сольская. – Это никак не возможно. У местных племен с леопардами связан целый культ. Абиссинцы почитают леопарда как тотемное животное. Мы просили с ним что-нибудь сделать, но садовник даже слушать не стал. Заявил, что у этого животного девять жизней, его невозможно убить. Нет, убить его, конечно, можно, – тут же поправилась Вера Васильевна, – и даже тот, кто этого зверя убьет, заберет себе девять его жизней, но это не принесет смельчаку счастья. Дух леопарда не даст ему покоя.

– И мертвые позавидуют живым, – усмехнулся Гумилев, не двигаясь с места и продолжая вглядываться в темнеющую у сарая зелень.

– Вы зря смеетесь, – насупилась хозяйка. – Во время разговора о леопарде наш садовник, похоже, был сильно напуган.

Рассказывая, Вера Васильевна торопливо встала из-за стола и, устремившись к дверям, ведущим в комнату, потянула за собой Зиночку.

– Скорее в дом! Николай Степанович, Семен Аркадьевич, Коля! Что же вы сидите? Поднимайтесь скорее и пойдёмте! Леопард сейчас будет здесь!

Вилькин присмотрелся и тоже увидел, как в кустах и в самом деле мелькнула черная шкура. Он уже хотел уйти в дом следом за дамами, но неожиданно Зиночка вырвала руку у Сольской и сбежала с вернады.

– Миленький мой, хорошенький, – высоким голосом звала она, протягивая подрагивающие ладони к кустам. – Леопардик, иди сюда! Ну, пожалуйста, иди! Не бойся!

Кусты качнулись, и Вилькин вдруг увидел угольно-черного зверя размером с дога, изготовившегося к прыжку. Будто подсвеченные изнутри, глаза его горели желтым огнем, неотрывно следя за приближающейся девичьей фигуркой. Тело зверя напряглось, точно сжатая до предела пружина. Еще секунда, и леопард бы кинулся на свою добычу. Застыв от напряжения, Семен с любопытством следил за развитием событий, точно он был патрицием и с трибуны Колизея наблюдал за ярким, искрометным шоу – пожиранием девы хищным зверем.

Вилькин помнил, что в боковом отсеке сумки покоится отличный короткоствольный «герстал», купленный по случаю у французского капрала, но вынимать оружие не торопился. Ему вдруг до боли в висках захотелось увидеть, как зверь рвет нежную девичью плоть. И потому Семен очень рассердился, когда поэт Гумилев угловато поднялся с кресла, неторопливо достал из кармана полотняных брюк пистолет и, тщательно прицелившись, выстрелил в затаившееся в зарослях животное.

Раздался полный боли рык и треск ломаемых веток, Гумилев выстрелил второй раз, и все стихло. И тут же из сарая выбежал перепуганный садовник, увидел убитого леопарда и с горестными криками повернул обратно. Буквально через минуту переживавшая в сарае обслуга под предводительством садовника выбежала из своего укрытия и кинулась к воротам, но Вилькин не обратил внимания на торопливое бегство аборигенов с территории посольства. Разочарование было так велико, что некоторое время он тупо смотрел перед собой и молчал.

Кто его просил, этого тщедушного поэта Николая Гумилева, лезть поперек батьки со своим револьвером? Повелитель мира! Взял и выстрелил! Испортил такое зрелище! Чтобы скрыть охватившее его бешенство, Вилькин отшвырнул с дороги плетеное кресло, прыжками спустился с веранды и устремился в заросли.

Подломив под себя крупные лапы, леопард черной тушей лежал на измятых эвкалиптовых стеблях. Обе пули вошли точно в правый глаз, сразу лишив зверя жизни и не попортив шкуру. За спиной послышалось громкое сопение, Вилькин обернулся и увидел племянника поэта.

– Хочу помочь перенести леопарда в дом, – застенчиво проговорил юноша, отводя глаза от хмурого лица Вилькина.

– Берите за задние лапы, я подхватю под передние, – распорядился Семен, склоняясь над черной тушей.

Вдвоем они доволокли зверя до дома и опустили на пыльную землю рядом с нижней ступенькой лестницы, ведущей на веранду. Находящиеся на веранде устремились вниз. Застыли перед величественно лежащим на земле грозным хищником и некоторое время молчали, рассматривая лоснящиеся черные бока.

– Вы изверг! – всхлинула Зиновья, оторвавшись от созерцания туши и с отвращением глядя на Гумилева. – Вы чудовище! Зачем вы убили этого миленького прелестного леопардика?

– Что вы такое говорите?! – искренне возмущился Вилькин непреходимой глупости этой прелестной дуры, в порыве злости даже забыв, что еще секунду назад испытывал ненависть к поэту. – Николай Степанович спас вам жизнь.

Девушка Бекетова пошла пятнами, сделавшись необычайно хорошенькой – Вилькин невольно залюбовался.

– Я никогда вам этого не прощу! – яростно выкрикнула Зиновья поэту в лицо. – И картин для вас рисовать не буду! Вы злой! Злой! Правильно Ахматова вас хоронит!

– Но, Зиновья... – миролюбиво начал Гумилев, предпринимая попытку взять ее за руку.

– Не смейте называть меня Зиновья! – крикнула Бекетова, сердито отстраняясь. – Я для вас Зинаида Евсеевна!

Семен смотрел в перекошенное лицо девушки невидящим взглядом и думал о своем. Разрозненные обрывки фактов в его голове вдруг начали складываться в целостную картину. Он понял, почему в паническом ужасе разбежались чернокожие слуги.

– А знаете, я догадался, что вызвало испуг аборигенов, – задумчиво проговорил он. – Все дело в аниото.

Вилькин закурил, замолчав и рассматривая леопарда.

– Простите, в чем? – растерянно заморгала Вера Васильевна.

– Я поясню, – отбрасывая окурок, охотно предложил Семен. – Совсем недавно от скуки я прочел купленную на базаре ветхую книжицу на французском. Какой-то этнограф – фамилию я не запомнил – вполне толково рассказывал о тайных обществах африканских племен с их дикими пугающими похоронными ритуалами и магическими верованиями. Честно говоря, большинство ритуалов вызывали у меня улыбку и недоумение. Однако я был слегка шокирован аниото – людьми-леопардами, считающимися в этих местах сверхъестественными оборотнями, рвущими свои жертвы зубами и выедающими отдельные части трупов. Упомянуто это было как бы вскользь, но тема меня заинтересовала.

– Мы с Николаем Степановичем тоже записали легенду о людях-леопардах! – залился румянцем Сверчков. – Николай Степанович, можно я прочту?

– Читай, если хочешь, – дернул уголком рта поэт.

Коля-маленький достал из кармана блокнот, пролистнул в поисках нужной страницы и принялся читать:

– Легенда о братстве на крови...

Вилькин вновь уселся в кресло и прикрыл глаза. Даже Зиновья затихла, слушая легенду.

– «Неженатые молодые люди буквально сходили с ума от юной красавицы Мариам, но она уже сделала выбор, отдав предпочтение двоюродному брату, шестнадцатилетнему Сиссоко. Вот только жениться он пока еще не имел права – Сиссоко пока не состоял в «обществе леопарда» и не мог считаться взрослым мужчиной. Девушка сама себе подписала смертный приговор, когда заявила влюбленному парню, что выйдет замуж только за настоящего безжалостного «леопарда».

Делать нечего. Юноша пошел к воздю «общества леопардов» – старому Кадуку. И попросил «борфиму» – магический амулет, который делает человека непобедимым и всемогущим. Кадуку ответил, что для его приготовления нужна человеческая печень, и Сиссоко согласился убить человека. Он не знал, что нужна печень юной девушки, его близкой родственницы, а такая девушка была только одна, его возлюбленная Мариам. Кадуку тем временем объявил матери девушки о предстоящем жертвоприношении. Ночью Сиссоко вытащили из хижины люди в масках, одетые в леопардовые шкуры, и увели в лес. Там на костре варилась похлебка, и Сиссоко поел ее – это была похлебка из человечины. Его заставили дать клятву верности обществу и вручили нож с двумя лезвиями, сказав, что теперь он – человек-леопард и завтра ночью должен добыть печень для «борфимы».

На следующий день мать Мариам послала дочь в джунгли за листьями целебного кароко, сказав, что она сильно занемогла. В джунглях девушку ждала засада. Поняв, кто стал жертвой, Сиссоко чуть не убил старого Кадуку, но люди-леопарды связали его и заткнули рот пучком травы. Кадука в это время перерезал девушке горло, и следом его помощник вырвал горячую печень из рассеченного девичьего живота. На следующий день тело девушки разделили на мелкие кусочки, и каждый житель деревни, включая и ее мать, съели свой кусочек. Кадуку взял себе голову, кисти и ступни ног. Срезав лоскут с отсеченной головы, Кадуку обернул в него кусочек жира из почек и кусочек печени – это и была магическая «борфима», которую, как амулет, Сиссоко должен был теперь носить всю жизнь на груди. «Борфиму» требовалось периодически смазывать человеческой кровью и жиром, чтобы она не потеряла магических свойств, а значит, ее владелец вынужден каждый раз убивать людей. Трупы поедались членами общества».

Коля замолчал и убрал блокнот в карман.

– Это все? – Вера Васильевна вскинула брови.

– Все, – растерялся Сверчков. – Такая вот легенда.

– Фу, какая гадость! – брезгливо скривилась Зиночка. И насмешливо заметила, окидывая поэта неприязненным взглядом: – Как бы местные оборотни не начали мстить Николаю Степановичу, но зато теперь у него в запасе девять жизней.

– Я предпочитаю рассматривать местные поверья исключительно как народные легенды, – сухо заметил Гумилев. – Господин Вилькин, я непременно запишу ваш рассказ и присовокуплю к Колиной легенде. А в качестве иллюстрации привезу в Петроград шкуру этого красавца, – кивнул он на тушу.

Вилькин даже вспотел от внезапного озарения. Да вот же он, верный способ вывезти сокровища из Аддис-Абебы!

– Да-да, господин Гумилев, вы совершенно правы! – вынимая платок и промокая покрывшийся бисеринками пота квадратный лоб, горячо заговорил Семен. – Вам непременно нужно взять в Россию шкуру этого зверя! Для вашей этнографической коллекции.

– Только вот боюсь, местные таксидермисты остерегутся прикасаться к леопарду, – с сомнением в голосе произнесла Вера Васильевна.

Вилькин взглянул на нее с благодарностью – жена посла словно специально ему подыгрывала. Вне всяких сомнений, Гумилев – превосходный курьер! Такого уж точно никто не заподозрит! Стоит, рисуясь и поигрывая пистолетом, гордится, простая душа, своей отвагой и меткостью. И даже не догадывается, что станет для Вилькина перевозчиком императорских сокровищ! В принципе, сокровищ-то этих не так уж и много, прекрасно поместятся в небольшой холщовый мешок, который можно будет припрятать в голову леопарда. О лучшем контейнере для транспортировки нечего и мечтать.

– У меня на примете есть превосходный таксидермист, – интимно понижая голос, сообщил Вилькин. – Испанец, отчаянная голова, не боится ни Бога, ни дьявола. Если желаете, могу помочь с изготовлением трофея.

Похожее на металлическую маску лицо Гумилева на секунду оживилось.

– Вы и в самом деле можете помочь? – деловито уточнил он, убирая пистолет в карман холщовых брюк.

– Ни о чем не волнуйтесь! Как и планировали, отправляйтесь в глубь страны, – Вилькин отечески похлопал поэта по плечу, – а на обратной дороге заберете готовую шкуру в Россию.

– Даже не знаю, как вас благодарить, – протянул руку для рукопожатия Гумилев. – Сколько я вам должен?

– Да что вы, голубчик! – растрогался Семен. – Помогать ближнему своему – святая обязанность каждого порядочного человека. А трофей и в самом деле хорош! Не леопард – красавец!

– И вы, господин поэт, этого красавца хладнокровно убили! – раздраженно заметила Бекетова.

Вилькин взглянул на Зиночку, и на душе его сделалось тепло. В устремленных на него лучистых девичьих глазах светились восторг и обожание. Перемена в Зиночке была так разительна, что даже слепой догадался бы, что поэт развенчан, и уступивший Гумилеву пальму первенства Вилькин снова из категории «негерой» перекочевал в противоположный лагерь и сделался «героем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.